

Алексеев против России

[Alekseyev v. Russia] (№ 4916/07, 25924/08 и
14599/09)

Постановление от 21 октября 2010 г. [вынесено I Секцией]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Заявитель являлся одним из организаторов ряда шествий, планировавшихся в Москве в 2006, 2007 и 2008 годах для привлечения внимания

общественности к дискриминации гомосексуалистов и лесбиянок в России, а также для насаждения толерантности и соблюдения прав человека. Организаторы уведомили мэрию о своем намерении провести шествия и обязались сотрудничать с правоохранительными органами для обеспечения безопасности и соблюдения общественного порядка, а также ограничений шума. Однако их заявки были отклонены по основаниям общественного порядка после получения петиций противников шествий. По мнению властей, существовала угроза насильственной реакции, способной вылиться в хулиганство и массовые беспорядки. В прессе также публиковались высказывания мэра и его окружения о том, что при любых обстоятельствах гей-парад в Москве не будет разрешен, «пока мэр занимает свой пост», и что мэр призвал к активной «кампании в средствах массовой информации... с использованием петиций со стороны частных лиц и религиозных организаций» против шествий гомосексуалистов. Организаторы впоследствии уведомили мэрию о намерении провести вместо шествий кратковременные пикеты, но им вновь было отказано в разрешении. Заявитель безуспешно обжаловал в национальных судах решения о запрете шествий или пикетов.

ВОПРОСЫ ПРАВА

По поводу соблюдения статьи 11 Конвенции. Государство-ответчик утверждало, что запреты являлись оправданными как соображениями безопасности, так и защитой морали. Что касается первого основания, сама по себе угроза того, что демонстрация вызовет беспорядки, не являлась достаточной. Если бы каждая возможность трений и разгоряченного обмена мнениями между различными группами требовала запрета, общество было бы лишено возможности выслушивания точек зрения по вопросам, которые затрагивают чувства большинства. Московские власти систематически на протяжении трех лет уклонялись от адекватной оценки угрозы безопасности участников и общественному порядку. В случае контрдемонстрации лиц, противившихся проведению шествий, власти могли принять меры для обеспечения того, чтобы оба мероприятия прошли мирно и законно, что позволило бы обеим сторонам выразить свои взгляды без столкновений. Любые угрозы или подстрекательство к насилию против участников могли быть адекватно преодолены путем преследования виновных. Вместо этого путем запрета шествий власти эффективно поддерживали намерения лиц, явно и сознательно стремившихся воспрепятствовать мирной демонстрации в нарушение закона и общественного порядка.

В любом случае, соображения безопасности имели второстепенное значение для решений, которые в основном руководствовались преобладающими моральными ценностями большинства. Мэр неоднократно выражал свою решимость воспрепятствовать проведению гей-парадов, которые он находил нецелесообразными. Государство-ответчик также указывало в своих объяснениях Европейскому Суду, что такие мероприятия требовали запрещения из принципа, поскольку пропаганда гомосексуализма противоречила религиозным учениям и общественной морали, а также могла повредить детям и уязвимым взрослым. Однако Европейский Суд подчеркивает, что осуществление конвенционных прав меньшинствами при условии согласия на это большинства было бы несовместимо с основополагающими ценностями Конвенции. Цель шествий и пикетирования заключалась в насаждении соблюдения прав человека и терпимости по отношению к сексуальным меньшинствам. Отсутствовало намерение демонстрации нудизма, провокационного сексуального поведения или критики общественной морали или религиозных взглядов. Действительно, власти указали, что их претензии были вызваны не поведением или одеждой участников, а тем фактом, что они желали открыто признаться в приверженности гомосексуализму или лесбийской любви, индивидуально и в составе группы. Европейский Суд отклонил утверждение государства-ответчика о том, что в отсутствие европейского консенсуса в этой сфере они имеют право на широкие пределы усмотрения. Отметив, что в действительности в Европе существует консенсус по широкому кругу вопросов, связанных с правами гомосексуалистов, он подчеркнул, что в любом случае вопрос о консенсусе не имеет значения, поскольку наделение материальными правами гомосексуалистов не имеет ничего общего с признанием их права выступать за наделение их такими правами. Между другими государствами-участниками отсутствуют разногласия относительно признания права лиц открыто определять себя в качестве гомосексуалиста, лесбиянки или представителя иного сексуального меньшинства и выступать за свои права и свободы, в частности, путем осуществления права мирных собраний. Только путем справедливых и публичных дебатов общество может разрешить столь сложные вопросы, как права гомосексуалистов, что, в свою очередь, способствовало бы социальному сплочению, поскольку все взгляды будут высказаны. Открытая дискуссия, которую заявитель неоднократно, но безуспешно пытался организовать, не может быть заменена высказыванием должностными лицами единообразных взглядов, которые они считают популярными. Соответственно, решения о запрете

те указанных мероприятий не были основаны на приемлемой оценке всех значимых фактов, не отвечало неотложной общественной необходимости и, таким образом, не были необходимыми в демократическом обществе¹.

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявителю 12 000 евро в качестве компенсации причиненного морального вреда.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 11 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения статьи 13 Конвенции. В отсутствие предусмотренной законом обязанности властей по вынесению окончательного решения до даты, в которую намечалось шествие, судебное средство правовой защиты, доступное заявителю, имело характер *post hoc*² и не могло обеспечить адекватное возмещение в отношении предполагаемых нарушений Конвенции.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения статьи 14 Конвенции. Основной причиной запрета шествий гомосексуалистов являлось неодобрение властями демонстраций, которые они рассматривали как насаждение гомосексуализма. В этой связи Европейский Суд не может пренебречь личными взглядами московского мэра и неоспоримой связью между этими заявлениями и запретами. Таким образом, заявитель претерпел различие в обращении по основаниям его и иных участников сексуальной ориентации, которому государство-ответчик не представило удовлетворительного оправдания.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 14 Конвенции (принято единогласно).

¹ Заявитель, в числе прочего, указывал на то, что запрет его мероприятий в форме шествий и пикетирования не был основан на законе и не преследовал законную цель. Однако Европейский Суд в § 69 нашел, что «может воздержаться от разрешения этих вопросов, поскольку, независимо от цели и законности запрета», он (запрет) «не является необходимым в демократическом обществе по причинам, изложенным ниже». Таким образом, хотя в §§ 78–79 Постановления говорится о том, что упомянутые властями основания запрета не предусмотрены законом, поскольку речь шла о недопустимости пропаганды гомосексуализма, вопрос о принципиальной возможности не предусмотренного законом запрета действий иных лиц остался неразрешенным, отчего, по не зависящим от властей причинам, выиграли представители сексуальных меньшинств (*прим. переводчика*).

² Имеется в виду, что вопрос мог быть решен только задним числом (*прим. переводчика*).